

ЦЕННОСТИ СЛАВЯНСКОГО КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА В "РОССИИ И ЕВРОПЕ" Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Мировая философская и историческая наука дает большое число примеров блестящих ученых, вложивших немало сил в постижение истории. Однако понять ее смысл, охватить взглядом весь путь человечества удалось немногим. К такому уровню исследований относится работа Н.Я. Данилевского "Россия и Европа". В исследовании Н.Я. Данилевского мы видим не просто мировую историю, но историю, преломленную сквозь призму антинормии Россия - Европа. Историческая судьба и будущность славянского, православного мира в противопоставлении миру западному, католическому, выбор Россией своего пути развития - вот основная задача "России и Европы". Н.Я. Данилевский идет в традиционном для русской историографии русле извечной борьбы западников и славянофилов, занимая при этом славянофильские позиции. "Только ложное, несообразное с истинными началами научно-естественной систематизации явлений понимание общего хода истории, отношения национально-го к общечеловеческому и так называемого прогресса могли привести к смешению понятий частной европейской, или германо-романской, цивилизации с цивилизацией обще - или, правильнее, всечеловеческою; оно породило пагубное заблуждение, известное под именем западничества, которое, не сознавая ни тесного общения между Россией и Славянством, ни исторического смысла этого последнего, отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, лишает нас надежды на самобытное культурное значение, т.е. на великую историческую будущность" (1, с.469).

Мировая цивилизация, по мысли Н.Я. Данилевского, есть не что иное как совокупность культурно - исторических типов. Однако каждый культурно-исторический тип состоит из определенного числа индивидов. Именно человек, с его мировоззрением, опытом и аксиологическими установками определяет направление и специфику развития цивилизации. Однако речь не может идти о конкретном историческом человеке. Речь идет об идее человечества как такового и ее реализации в процессе мировой истории, т.к. "...для коллективного же и все-таки конечного существа - человечества - нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и равноместного (т.е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном

культурно-историческом типе развития" (1, с.119). Таким образом, культурно-исторические типы - это лишь пути реализации определенных начал или идей, заложенных в Идее человечества как таковой. Данилевский подчеркивает, что различия в психическом строе разных народностей носят не количественный, а качественный характер. "Едва ли возможно найти какую черту народного характера, которой бы совершенно не доставало другому народу; разница только в том, что в одном народе она встречается чаще, в другом реже, в большинстве лиц одного племени она выражается резко, в большинстве лиц другого племени слабо, но эти степени, эта частность или редкость числами не выразимы" (1, с.178). То, что Данилевский называет "чертами народного характера", "нравственными этнографическими признаками народа" и есть не что иное, как признаки того или иного культурно-исторического типа, и эти признаки носят у Данилевского ярко выраженный аксиологический характер. Отметим, что эти признаки рассматриваются Данилевским в рамках антиномии: европейский культурно-исторический тип - славянский культурно-исторический тип.

Одной из основных черт русского народного характера Данилевский считает стремление к духовному и нравственному развитию: "... не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления" (1, с.196). Однако в плане исторического развития Данилевский трактует роль внутреннего нравственного сознания очень своеобразно. По его мнению, все великие исторические события в России не имеют видимых (объективных) причин и катализаторов. Все решает внутренняя работа, незримо идущая в глубине народного духа. "Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и, когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с поразительной быстротой" (1, с.191). Данилевский приходит к поразительным выводам, он, например, говорит, что славяне были полностью готовы к принятию христианства и уже внутренне отрешились от язычества, а процесс, который происходил в душе князя Владимира, был только повторением, более определенным и выразительным, того, "... что смутно передумала и прочувствовала тогдашняя Русь" (1, с.192). Приведем еще пример. "Все мы очень хорошо знаем, что освобождению крестьян не предшествовало никакой агитации, никакой, ни изустной, ни печатной, пропаганды; все казалось, были одинаково к нему не подготовлены, интересы единственно образованного сословия в государстве ему противоположны и по самой сущности дела враждебны. Однако все совершилось быстро, с невероятным успехом. Крестьяне не просто освобождаются на европейский лад, а наделяются

землю, и все это без всякой борьбы, без всякого сопротивления с какой бы то ни было стороны и без каких-либо партий" (1, с.193-194). С такой интерпретацией событий 1861 года и их предпосылок совершенно невозможно согласиться.

Однако очевидно, что в размышлениях Н.Я. Данилевского есть рациональное зерно. Если западная цивилизация при достижении какой-либо цели руководствуется прежде всего "интересом", т.е. практицизмом и прагматизмом, то в истории русского народа всегда огромную роль играли нравственные побуждения. Эту аксиологическую дихотомию возможно обозначить как практицизм-духовность (альтруизм).

Ценность духовности достигает своего апогея, по мысли Н.Я. Данилевского, в религиозности русского народа. "Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом. С другой стороны, религиозные уклонения, болезни русского народа-раскол старообрядчества и секты-указывают: первый-на настойчивую охранительность, не допускающую ни малейших перемен в самой внешности, в оболочке святости; вторые же, особенно духовборство,-на способность к религиозно-философскому мышлению" (1, с.480). Более того, Н.Я. Данилевский совершенно справедливо отмечает, что религиозная сторона культурной деятельности, составляющая принадлежность славянского культурного типа, и России в особенности, есть неотъемлемое его достояние как по психологическому строю составляющих его народов, так и потому, что им досталось хранение религиозной истины; это доказывается как положительной, так и отрицательной сторонами религиозной жизни России и Славянства. В.Н. Катанев отмечал, что в XX столетии Россия прошла через горнило богоборческой революции, потом через удушающее все живое идеологическое "чистилище" тоталитарной атеистической власти. Но стоило только последней пасть, как мгновенно начала восстанавливаться церковная христианская жизнь в России: поднимаются из руин храмы и монастыри, открываются духовные училища, православные школы. Даже в духовно смрадные, отравленные тоталитарной идеологией советские времена христианские ценности транслировались великой русской литературой, памятью о русской истории и народными обычаями, в главном проникнутыми христианскими идеалами и представлениями (2).

Анализируя нравственные качества различных народов, Данилевский совершенно справедливо говорит о преобладании общенародного, коллективистского начала в русской душе. "Другой вывод... состоит в огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным" (1, с.197). Однако этот коллективизм Данилевский понимает тоже весьма своеобразно. Для него общенародность - синоним

стадности. Он считает, что англичанин, немец, француз, перестав быть самими собой (т.е. оторвавшись от родной почвы), сохраняют большую часть своих нравственных начал и остаются весьма примечательными личностями. Тогда как русский, "...перестав быть русским, обращается в ничто - в негодную тряпку" (1, с.197). Несмотря на парадоксальность приведенной выше трактовки, мысль о преобладании в славянском культурно-историческом типе коллективистских начал над индивидуальными, которые более свойственны западному культурно-историческому типу, представляется весьма важной.

Другой ценностной оппозицией, которая пересекается с бинарной оппозицией "индивидуализм-коллективизм", является ценностная оппозиция "свобода-равенство".

Социум может быть ориентирован на ограничение своей свободы, воли к власти в пользу общностей более низкого уровня, в конечном счете в пользу индивида. Общество предоставляет индивиду разнообразные права, гарантии, привилегии, стремится к созданию условий для реализации энергии и инициативы свободного гражданина, причем само понятие "гражданин" в такого рода обществах подразумевает индивида, имеющего в первую очередь права, а затем лишь обязанности.

Однако социум может быть также и ориентирован на равенство в отношениях между общностями и индивидами, когда индивид вынужден ограничивать свою свободу в интересах общностей, в которые он входит, каждая общность ограничивает свою свободу в пользу других общностей. Такой тип взаимоотношений между индивидом и обществом характерен преимущественно для восточной группы цивилизаций.

Именно таким Н.Я. Данилевский видит славянский культурно-исторический тип. "Итак, заключаем мы, и по отношению к силе и могуществу государства, и по способности жертвовать ему всеми личными благами, и по отношению к пользованию государственною и гражданскою свободою-русский народ одарен замечательным политическим смыслом. По чертам верности и преданности государственным интересам, бесприязительности, умеренности в пользовании свободою... мы можем распространить это же свойство и на других славян" (1, с. 491).

Особо Н. Я. Данилевский останавливается на специфике ценностных установок славянского культурно-исторического типа, очень ярко проявившихся в процессе колонизации. Если в других культурно-исторических типах колонисты, выселяясь из отечества даже добровольно, не по принуждению, быстро теряют с ним всякую связь, то "при расселениях русского народа мы не видим ничего подобного. Куда бы ни заходили русские люди, хотя бы временные и местные обстоятельства давали им возможность или даже принуждали их принять самобытную политическую организацию, как, например, в казацких обществах, центром их народной жизни все-таки остается старая Русь-Москва, высшая власть в

понятии их продолжает олицетворяться в лице русского царя" (1, с.486). Именно поэтому Россия никогда не имела колоний (в западном смысле этого слова), именно поэтому в Западной Европе колониционное движение принимает форму выселения из государства, в России - форму расселения по государственной территории (3).

В заключение необходимо отметить: рассматривая славянский мир в качестве отдельного культурно-исторического типа, Н.Я. Данилевский утверждал также и его ценностную полноту и самодостаточность. Ценностные установки славянского народа позволяют, по мысли Н.Я. Данилевского, развиваться культурно-историческому типу до небывалой высоты. Славянский культурно - исторический тип "... в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова" (1, с.508).

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. - М.: Книга, 1991.
2. Катасонов В.Н. *Политическое славянофильство// Православие*. - 2002. - № 12.
3. Менщиков В.В. *Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв: общее и особенное в региональном развитии*. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.